

КРАСНАЯ НИВА

25

~~ХХ 228~~
ХХ 269
4

МС
1928

1
Библиотека
имени
В. И. Ленина

Разложение буржуазии
или... пролетариата?
(смотри стр 12-13)

Отваги Зарево

Рассказ
Артем Веселый

В большой накуренной комнате хуторского ревкома работа кипела, когда вбежал церковный сторож Парамон. Протискавшись вперед, он лег грудью на продовольственную ведомость, разостланную по столу, и зашептал в черную бороду председателя:

— Товарищ Ковалев, известно ли вам, что в нашем хуторе своей собственной персоной проживает грахвиня?..
— Как? — переспросил председатель.
— Грахвиня, говорю, ей-богочки...
— Что за графиня такая? Откуда ей взяться? Какое ее фамилие?

— Бес ее разберет... Она мне не тетка, щоб я ее хва-милье знал.
— Где живет?
— Около мельницы, ей-богочки, в Болопинском доме живет, и собачонка при ней такая... с зайчишку.

Председатель, склонив большую с тугим завитком на маковке голову, недолгое время раздумывал, потом вырвал из ученической тетради бледный, разграфленный синими жилками, листок и медленно, с тяжелым нажимом, нацарапал: «Приказываю срочно доставить неизвестную графиню из дома казака Болопина». Он пристукнул к бумажке печать хуторского старосты, нарочно стертую так, что на ней ничего невозможно было разобрать, и подал предписание своему помощнику Артюшке Соколову:

— Живо.
Артюшка убежал и скоро вернулся с добычей. В оттопыренной руке—чтобы всем видно было—он держал наган и, строго хмурясь, кричал набившимся в коридор мужикам:
— Дай дорогу... Графиню словил.

Маленькая, сухонькая старушонка была подведена к председателскому столу. Точное без морщин лицо ее было спокойно, тонкие бескровные губы сжаты, из-под криве надетого кружевного чепца выбивались седые волосы и в желтых, точно восковых, руках она цепко держала, прижимая к груди, старомодный плюшевый ридиколь.

Председатель ревкома, Егор Ковалев, некоторое время молчал и бесцеремонно разглядывал ее, потом спросил:
— Как будет ваше, гражданка, имя, фамилие?

Арестованная промолчала, глядя через голову председателя на стену, по которой были развешены жирно намазанные плакаты: «Распутин в аду», «Водка—алеший враг человечества» и воззвание «К трудящимся народам всего мира».

Егор Ковалев был малограмотен. Грамотных он не любил и в каждом из них подозревал предателя. Правда, в затруднительных случаях Егор советовался со старым хуторским писарем Исайкой, но ни разу еще не доверил Исайке написать двух слов. Выждав, он повторил свой вопрос.

Старуха опять промолчала.

Хуторяне засмеялись.

— Что же, ты и говорить с нами не хочешь?—сердась спросил председатель.—Али мы дешевле тебя?

Артюшка, догадавшись, выдернул из-под Исайки стул и, пододвинув его к арестованной, попросил садиться.

Она скользнула взглядом по Артюшке и, продолжая стоять, сказала:

— Вам незачем знать мое имя. Что вам от меня нужно?..

Денег?.. Вот все, что я имею,—она выхватила из ридиколья

пачку перевязанных ленточкой кредиток и швырнула их на стол, потом из маленького портмоне вытряхнула на стол несколько золотых монет.

В помещение, снимав шапки, налезли хуторяне. Не дыша, они слушали допрос и, вытягивая шею, приподнимались на носки, старались получше разглядеть графиню.

Егор Ковалев два раза пересчитал деньги и, придвинув пузырек с чернилами, принялся скрипеть ржавым пером. К комнате была такая тишина, что скрип пера был слышен в самых отдаленных углах. Записав: «Лист допроса 7 апреля 1918 года арестована по законному распоряжению ревкома неизвестной фамилии графиня в доме нашего хуторского казака. Отобрано у графини в смысле конфискации керенками 32 тыщи, николаевскими 800 р., золотом 6 пятирублевиков, 2 десятирублевика и серебряный пятак с дырой», председатель снова спросил:

— Откуда вы, позвольте узнать, приехали к нам и зачем?

— Мало?—еле слышно и подавшись корпусом вперед прошептала старуха.—Мало?.. Ну, вот, вот,—распахнув накидку, она отстегнула брошку и бросила ее на стол, ее обручальное кольцо покатило мужиком под ноги.

В допросный лист было дописано: «и кольцо литого золота, брошка с зеленым камешком»...

Тогда вопросы принялись задавать несколько человек и со всех сторон.

Старуху прорвало, ее серые глаза сверкнули решимостью:

— Да,—задыхаясь и пытаясь хладнокровничать, заговорила она,—я графиня... Муж мой служит в Санкт-Петербурге в святайшем синоде, два мои сына, дай бог им счастья,—она перекрестилась,—сражаются против вас, грабителей и насильников, но я—старая женщина, я вне вашей политики...

Кругом молчали, вытараща глаза и разиня рты, а она, уже не в силах остановиться, продолжала:

— В Ставропольской губернии у меня было именьице и земля, именьице мужики разграбили и сожгли, а землю запахали... Ах, впрочем... Ну, вот, я хотела возвратиться к мужу, но пробраться в Россию нет ни малейшей возможности, на Дону немцы... Я остановилась в вашем хуторе отдохнуть от всех пережитых ужасов и переждать, пока утихнет революция...

— Не дожدهшься!—закричал Егор Ковалев.—Не утихнет революция.

— Кого же вы будете грабить, когда разорите всех нас?.. Да вы, батенька мой, броситесь тогда друг другу глотки грызть и вашей звериной кровью захлебнется несчастная Россия.

Общее движение, загадели, заурчали:

— Вона, сорока белобока...

— Башка.

— У ней, поди-ка, царь с ума не идет...

Заглушая всех, старуха выкрикивала:

— Чарна ваша совесть, черна... Бога забыли... Муки ада приуготованы вам на том свете.

— А-а, не терпишь!—вскочил за столом, скаля зубы, Егор,—вы нам сулите там, а мы вам тут, на земле ад устроили... Товарищи,—обвел он всех сверкающими глазами,—я так думаю, должны мы эту седую контрреволюцию засудить в могилу.

Он поглядывал то на казаков, то на могилу, которая быстро углублялась, и уже знал, каков будет конец суда: зря трудиться не станут.

— Дядя, что бы ты со мной сделал, если бы я попал в твои ланы?—не своди глаз с пленника, спросил офицер и потянулся.

— Я тебе, племянничек, вырыл бы яму втрое глубже этой,—ответил Егор и, вздохнув полной грудью, в последний раз оглядел сад.

— Молодец!—весело крикнул офицер, вскочив и хватаясь за эфес шашки. Потом он повернулся к ординарцу и приказал:—Выдать ему стакан спирта...

Ординарец из фляжки налил полный стакан и подал Егору, тот хватил обжигающую влагу залпом и поблагодарил.

Начался допрос.

— Какие части стоят в городе и много ли их?

Молчание.

— Как продвигается работа по рытью окопов?

Молчание.

— Плетей!

Казаки свалили Егора, спустили с него штаны, заворотили на голову холщевую рубашку и принялись сечь в две плети, в концы которых была вилетена медная проволока. Каждый удар просекал кожу, и кровь хлестала из него, как из борава.

Побелевшая от страха хозяйка принесла подогретый самовар и сковороду яицницы с салом.

Офицер рылся в объемистом комиссаровском портфеле. Быстро просматривал и бросал ординарцу старые приказы, арматурные списки, доклады, мандаты, вдруг из папки истертых бумажек выпала фотографическая карточка... Офицер схватил ее и остолбенел: на карточке был изображен он сам с младшим братом. На обороте еле можно было разобрать вытершуюся надпись: «Дорогой мамусе от Пети и Тимы».

Егор, после расстрела старухи, хотел переслать карточку в Чека, но потом как-то забыл, и она провалялась в его бумагах четыре месяца.

Ошеломленный офицер забыл и о допросе и обо всем на свете... В настоящую минуту его занимал вопрос, как могла семейная карточка попасть в руки этого мужика? Хотя из дому он давно не получал писем, но был уверен, что отец и мать живут безвыездно в Петербурге.

— Перестаньте, вы его на смерть заперете!—остановил он взоревших казаков,—и, наклонившись к распростертому и уже переставшему стонать комиссару, принялся трясти его за плечо:—Послушай, откуда у тебя эта карточка?

Егор не поднял головы, его бока тяжело ходили, как бока загнанной лошади.

— Скажи, как, как она к тебе попала?—холодеет, крикнул офицер ему в самое ухо, и почувствовал, как у него начинаются дергаться щека.

Комиссар поднял залитое кровью и замазанное землей лицо и сказал:

— Скажи... Я отпущу тебя на свободу, награжу деньгами.

Егор стонал и не отзывался.

— Говори, сволочь, или я вытяну из тебя жилы... Где, где ты добыл эту карточку?

— Подумай,—опять глухо выговорил Егор.

— Плетей!

По широкой растворенной спине и заду опять зашлепали, разбрызгивая кровь, плети. Шкура свисала ключьями.

— Стоп!—приказал офицер,—он эдак сдохнет, а я должен узнать от него правду во что бы то ни стало... Мы заночуем тут, а утром возобновим допрос.

Егор был взвален на шинель и отнесен в арестантскую.

Ночью член того же хуторского совета солдат Дударев топором зарубил караульного казака и на горбу утащил Егора за хутор в болото. Там они, перебираясь с кочки на кочку и питаясь ягодами, прожили неделю, пока Егор поправился. Потом решили пробираться потихоньку в город. Шли ногами, минуя дороги и обходя хутора.

...Егор не мало потратил силы, пока ему удалось поймать председателя Марьяновского совета Ежова, который и был привезен в город.

В солнечный воскресный день Егор Ковалев вывел за город с музыкой и песнями весь гарнизон, выстроил его треугольником и начал говорить речь, во время которой он несколько раз распоясывался, вздергивая рубаху, и показывал солдатам свою почерневшую, как чугуи, спину. Оборвав речь, так как не в силах был терпеть, он подбежал к ползущему на коленях Ежову, и его драгунская шапка зблистала: он оттянул изменнику сперва руки, потом ноги, потом голову.

Фото-эпид Н. Петрова

В Москву на заработки.